

ЭЛИЗАБЕТ ХОЙТ

Обольститъ
грешника

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
X70

Серия «Шарм» основана в 1994 году

Elizabeth Hoyt
TO SEDUCE A SINNER

Перевод с английского К. Ананичевой

Компьютерный дизайн Э. Кунтыш

Печатается с разрешения Grand Central Publishing,
a division of Hachette Book Group, Inc. New York, NY, USA.

Хойт, Элизабет.

X70 Обольстить грешника : [роман] / Элизабет Хойт ;
[перевод с английского К. Ананичевой]. — Москва :
Издательство АСТ, 2026. — 320 с. — (Шарм).

ISBN 978-5-17-179677-8

Мелисанда Флеминг уже долгое время влюблена в Джаспера Реншо, виконта Вейла, чьи шарм и обаяние не оставляют равнодушными многих женщин. Скрывая боль ревности, она терпеливо наблюдает, как он меняет одну возлюбленную на другую... Но узнав, что Джаспер остался без невесты накануне свадьбы, Мелисанда решается на смелый шаг — она предлагает ему свою руку и сердце, несмотря на сомнения в его верности.

Виконт Вейл неожиданно для себя влюбляется в Мелисанду — внешне холодную и строгую, но за этим фасадом — невероятно страстную женщину. Полностью потеряв голову от любви, он решается открыть ей свое сердце...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Nancy M. Finney, 2010

© Перевод. Е. Ананичева, наследники, 2025

© Издание на русском языке AST Publishers, 2026

ISBN 978-5-17-179677-8

Пролог

Как-то раз в неведомой чужой стране шел домой с войны солдат. Война эта велась целыми поколениями. Она началась так давно, что сражавшиеся уже не помнили, из-за чего они воевали. Потом наступил день, когда солдаты посмотрели на тех, с кем они воевали, и поняли, что не знают, почему их надо убивать. Офицерам потребовалось немного больше времени, чтобы прийти к такому же выводу, но, поскольку солдат было больше, обе воюющие стороны тут же сложили оружие. И был объявлен мир.

Так вот, наш солдатик шагал по пустынной дороге домой. Но война длилась столько лет, что у него не осталось дома, куда бы он мог идти, и поэтому он шел в никуда. Но за плечами у него был мешок с едой, над его головой светило солнце, а дорога, выбранная им, была прямой и ровной. Он был доволен своей судьбой. Звали его Веселый Джек...

Из «Веселого Джека»

Глава 1

Джек шел по дороге, весело насвистывая, ибо на всем свете не было более беззаботного человека...

Из «Веселого Джека»

*Лондон, Англия
Май 1765 года*

Не может случиться в жизни мужчины большего невезения, чем быть брошенным невестой в день свадьбы, думал Джаспер Реншо, виконт Вейл. Но быть брошенным в день свадьбы и к тому же страдать от тяжелого похмелья после пьянки накануне вечером... Это можно назвать рекордом по невезению.

— Мне так ж-ж-жаль! — рыдала мисс Мэри Темплтон, эта самая невеста, таким душераздирающим голосом, что можно было подумать: с человека снимали скальп. — Я никогда не хотела обманывать вас!

— Тише, — сказал Джаспер. — Я тоже так думаю.

Ему страшно хотелось обхватить руками разрывающуюся от боли голову, но это был явно самый драматический момент в жизни мисс Темплтон, и он чувствовал, что его жест не будет соответствовать важности происходящего. Хорошо еще, что ему удалось сесть. В церковной ризнице, куда они вошли, был только один стул с прямой спинкой, которым он совсем не по-джентльменски завладел.

Мисс Темплтон, казалось, не возражала.

— О бог мой! — воскликнула она, обращаясь, видимо, к нему, хотя там, где они находились, она могла бы звать к самому Всевышнему, а не к нему. — Я ничего не могла с собой поделаться, честно, не могла. Слабость, имя

тебе женщина! Слишком трудно сердцу устоять перед ураганом страсти!

«Ураган страсти?» — подумал Джаспер, но вслух пробормотал:

— Без сомнения.

Он жалел, что утром не успел пропустить стаканчик-другой вина. Это могло бы прояснить его мысли и помочь ему понять, что именно пытается сказать его невеста, — кроме того факта, что она больше не желала становиться четвертой виконтессой Вейл. А он, несчастный тупой осел, шатаясь, встал с постели этим утром, не ожидая ничего худшего, чем скучная брачная церемония и следующий за ней длинный свадебный завтрак. Но у дверей церкви его встретили мистер и миссис Темплтон, первый был мрачен, а другая — подозрительно взволнованна. Кроме них там была его миленькая невеста с мокрым от слез личиком, и он, где-то в глубине своей черной и мрачной души, понял, что сегодня ему не попробовать свадебного пирога.

Он подавил вздох и посмотрел на свою бывшую невесту. Мэри Темплтон была хорошенькой. Темные блестящие волосы, ярко-синие глаза. Свежий цвет лица и приятно округленные груди. Он не возражал бы и против более пышной груди, уныло подумал Джаспер, глядя, как она расхаживает перед ним.

— О, Джулиус! — воскликнула мисс Темплтон, протягивая свои хорошенькие пухлые ручки. Какой неудобной была эта маленькая ризница: драма мисс Темплтон требовала больше места. — Если бы только я не так любила тебя!

Джаспер заморгал и подался вперед: должно быть, он что-то пропустил, потому что совершенно не помнил этого Джулиуса.

— А, Джулиус... — пробормотал он.

Она повернулась и широко раскрыла свои серо-голубые глаза. Они действительно были великолепны.

— Джулиус Фернвуд. Викарий из городка, того, что рядом с имением папы.

«Значит, меня бросили ради какого-то викария?» — понял Вейл.

— О, если бы вы видели его добрые карие глаза, его светлые волосы и степенные манеры, думаю, вы бы чувствовали то же, что и я.

Джаспер поднял брови. Невероятно.

— Я люблю его, милорд! Я люблю его всем моим бесхитростным сердцем.

И неожиданно — он даже испугался — она упала перед ним на колени, подняв к нему хорошенькую заплаканную мордашку и сжимая на пышной груди мягкие белые ручки.

— Пожалуйста! Пожалуйста, умоляю вас, освободите меня от этих жестоких уз! Верните мне мои крылья, чтобы я могла улететь к моей истинной любви, любви, которую я буду носить в своем сердце, даже если меня принудят выйти за вас замуж, бросят в ваши объятия, заставят переносить вашу животную похоть, заставят...

— Да-да, — поспешил перебить ее Джаспер, чтобы она не успела изобразить его совсем уж отвратительным в своей похоти животным. — Я вижу, что не могу сравниться с праведником, этим светловолосым викарием. Я покидаю поле матримониального сражения. Пожалуйста, отправляйтесь к своей истинной любви. Мои поздравления, и все прочее.

— О, благодарю вас, милорд! — Мэри схватила его руки и замусолила их поцелуями. — Я вечно буду вам благодарна, навеки останусь у вас в долгу. Даже если...

— Да-да. Если когда-нибудь мне потребуется светловолосый викарий или жена викария, и так далее, и тому подобное, я буду об этом помнить. — С неожиданным вдохновением Джаспер запустил руку в карман и вынул горсть монет достоинством в полкроны. Их предполагалось после венчания разбросать в толпе, собравшейся у церкви. — Вот, возьмите, вам на свадьбу. Желаю вам большого счастья с... мистером Фернвудом.

Он высыпал монеты ей в ладони.

— О! — Глаза мисс Темплтон раскрылись еще шире. — О, благодарю вас!

В последний раз приложившись мокрыми губами к его руке, она выбежала из ризницы. Возможно, она подумала,

что дар стоимостью в несколько фунтов был сделан под влиянием минуты, и если она здесь задержится, то он может пожалеть о своей щедрости.

Джаспер вздохнул, достал большой льняной носовой платок и вытер руки. Ризница была совсем маленькой, со стенами из того же старинного серого камня, что и вся церковь, в которой он собирался венчаться. Вдоль стен тянулись потемневшие полки, заставленные всякими церковными предметами: старинными подсвечниками, бумагами, Библиями и оловянными блюдами. В высоком маленьком оконце с ромбовидными рамами виднелось синее небо с единственным пушистым белым облачком, не спеша проплывающим по нему. Теперь в этой уединенной ризнице можно было побыть одному. Джаспер положил платок в карман жилета, заметив, что одна из пуговиц едва держится, — не забыть бы сказать об этом Пинчу. Джаспер положил локти на стол, что стоял рядом с его стулом, обхватил руками голову и закрыл глаза.

Пинч, его слуга, научился чудесным образом снимать головную боль после ночных чрезмерных возлияний. Скоро он поедет домой и, выпив этот напиток, возможно, завалится спать. Проклятие, но голова у него так болела, что он еще не был готов выйти из церкви. У ризницы слышались голоса, отдававшиеся эхом в каменном сером куполе церкви. Судя по звукам, мисс Темплтон встретила некоторое сопротивление ее романтическим планам со стороны своих родителей. Улыбка мелькнула в уголках губ Джаспера. Вероятно, ее отец был не так сильно увлечен светлыми волосами, как она. В любом случае он охотнее встретился бы с французами, чем с ее семьей и гостями, ожидавшими снаружи.

Джаспер вздохнул и вытянул свои длинные ноги. Пропали труды целых шести месяцев. Именно столько заняло его ухаживание за мисс Темплтон. Месяц — на то, чтобы найти подходящую девицу: из хорошей семьи, не слишком молодую, не слишком старую и достаточно симпатичную, чтобы с ней спать. Три месяца длилось старательное ухаживание: флирт на балах и в салонах, катание в его карете,

покупки сладостей, цветов и разных безделушек. Затем задавался вопрос, был получен удовлетворительный ответ и невинный поцелуй в девственную щечку. А потом оставалось лишь сделать оглашение, многочисленные покупки и всяческие приготовления к предстоящему счастливому браку.

Что же все-таки произошло? Казалось, она во всем соглашалась с его планами. Ни разу, до сегодняшнего утра, не высказывала никаких сомнений. А когда он подарил ей золотые с жемчугом серьги, то даже, можно сказать, пришла в неописуемый восторг. Так откуда же взялось это неожиданное желание выйти замуж за светловолосого викария?

Такая проблема, как потеря невесты, никогда не появилась бы у его старшего брата, Ричарда, доживи он до того дня, когда ему потребовалось бы искать себе виконтессу. А в нем было что-то отталкивающее прекрасный пол — по крайней мере когда дело касалось брака. Нельзя не упомянуть, что меньше чем за год это был второй случай, когда он получал отказ. Правда, первый раз это была Эмелин, которая, честно говоря, была скорее сестрой, чем возлюбленной. Хотя если бы он попытался...

Скрип открывшейся двери перебил мысли Джаспера. Он открыл глаза.

На пороге в нерешительности стояла высокая стройная женщина. Это была подруга Эмелин, чье имя Джаспер так и не смог запомнить.

— Простите, я разбудила вас? — спросила она.

— Нет, я просто отдыхаю.

Она кивнула, быстро оглянулась и закрыла дверь, оставшись с ним наедине, что было крайне неприлично.

Джаспер поднял брови. Она никогда не производила на него впечатление женщины, склонной к драматизму, но его способность разбираться в подобных ситуациях была явно недостаточной.

Она стояла очень прямо, расправив плечи и слегка вздернув подбородок. Она не относилась к числу красавиц, черты ее лица было трудно запомнить — вероятно,

поэтому он сейчас не мог вспомнить ее имени. Ее светлые волосы неопределенного оттенка, между белокурыми и каштановыми, были собраны в пучок на затылке. Глаза весьма обычные, карие. Коричневато-серое платье с обычным квадратным вырезом открывало почти плоскую грудь. Как заметил Джаспер, кожа у нее была прекрасная: прозрачно-белая, чуть голубоватая, можно сказать — мраморная. Приглядишься он получше, то, без сомнения, заметил бы под бледной нежной кожей тонкие вены.

Но он не приглядывался, он просто смотрел на нее. Она стояла не шевелясь под его взглядом, но на ее высоких скулах появился слабый румянец.

Видя ее смущение, хотя совсем малозаметное, Джаспер почувствовал себя скотиной. Поэтому его слова прозвучали довольно резко.

— Я могу вам чем-то помочь, мэм?

На его вопрос она ответила вопросом:

— Это правда, что Мэри отказалась выйти за вас замуж?

Он вздохнул:

— Оказалось, она отдала свое сердце викарию и простой виконт ей больше не нужен.

Она не улыбнулась.

— Вы не любите ее.

Он развел руками:

— Печальная истина, хотя, признаваясь, я выгляжу негодяем.

— Тогда у меня есть для вас предложение.

— Да?

Она сжала руки и еще больше выпрямилась.

— Вы не могли бы жениться вместо нее на мне?

Мелисанда Флеминг старалась стоять спокойно и смотреть в глаза лорда Вейла пристально и без малейшего намека на девичье смущение. Да она и не была девушкой. Она была женщиной двадцати восьми лет, старше возраста флердоранжа и весенних свадеб. И надо признаться, без каких-либо надежд. Но как известно, надежда — упрямая вещь, почти несокрушимая.

То, что она сейчас предложила, казалось ей самой невероятным. Лорд Вейл был богатый человек. Мужчина с титулом, в расцвете сил. Короче, мужчина, который мог выбрать любую из кокетливых девиц моложе и красивее ее. Даже если только что от него сбежала невеста к викарию без гроша в кармане.

Поэтому Мелисанда приготовилась встретить смех, презрение или, что еще хуже, жалость.

Но лорд Вейл просто смотрел на нее. Возможно, он ее не расслышал. Его прекрасные синие глаза немного покраснели, и, судя по тому, как он держался за голову, когда она вошла, Мелисанда поняла: накануне он слишком бурно праздновал предстоящее вступление в брак.

Он сидел, развалившись на стуле, вытянув перед собой мускулистые длинные ноги, занимая намного больше места, чем следовало бы. И смотрел на нее потрясающе яркими сине-зелеными глазами. Даже покрасневшие, они светились, но только их и можно было назвать единственно красивым в его внешности. У него было длинное лицо с глубокими складками у рта и морщинами вокруг глаз. Нос тоже был длинен и великоват. Полуопущенные веки создавали впечатление, что он непрерывно борется со сном. А его волосы... Вот волосы были хороши — выющиеся и густые, приятного рыжевато-каштанового цвета. Любому другому мужчине они придавали бы мальчишеский, даже, может быть, женственный вид, но не ему.

Сегодня она чуть не пропустила день его свадьбы. Мэри была ее дальней родственницей, с которой она разговаривала всего раз или два в жизни. Но Гертруда, невестка Мелисанды, утром почувствовала себя нездоровой и настояла, чтобы Мелисанда представляла их ветвь семьи. Так она оказалась здесь и только что совершила самый безрассудный поступок в своей жизни.

Какая странная вещь — судьба!

Наконец Вейл пошевелился. Он потер лицо большой сухощавой рукой и сквозь раздвинутые длинные пальцы посмотрел на нее.

— Какой я идиот... вы должны извинить меня... но я никак не могу вспомнить ваше имя.

Естественно. Она всегда относилась к людям, которые топчутся по краям, никогда не становясь центром толпы и не привлекая к себе внимания.

В этом он был полной ее противоположностью.

Она набрала в грудь воздуха и сжала пальцы, чтобы скрыть нервную дрожь. Это ее единственный шанс, и она должна не упустить его.

— Я Мелисанда Флеминг. Мой отец, Эрнест Флеминг, происходил из нортумберлендских Флемингов. — Ее семья была старинной и весьма уважаемой, и она не считала нужным распространяться об этом: если он раньше не слышал о них, то бесполезно заверять его в своей респектабельности. — Отец умер, но у меня есть два брата, Эрнест и Гарольд. Моя мать была эмигранткой, из Пруссии, и она тоже умерла. Может быть, вы помните, что я подруга леди Эмелин, которая...

— Да-да. — Он поднял руку, словно отмахиваясь от ее заверений. — Я знаю, кто вы, я только не знаю...

— ...моего имени.

Джаспер кивнул:

— Правильно. Как я и сказал — идиот.

Мелисанда сглотнула.

— Могу я узнать ваш ответ?

— Видите ли, — он потряс головой и рассеянно помахал длинными пальцами, — вчера я слишком много выпил и сейчас немного растерян из-за побега мисс Темплтон. Потому мои умственные способности не отвечают предъявляемым к ним требованиям, вероятно, поэтому я не вижу причины, по которой вы хотите выйти за меня замуж.

— Вы виконт, милорд. Ложная скромность вам не к лицу.

Губы его большого рта сложились в слабую улыбку.

— Для леди, предлагающей джентльмену свою руку, вы довольно злы на язык.

Она почувствовала, как краснеют ее шея и щеки, и с трудом удержалась, чтобы не открыть дверь и не сбежать.

— Почему, — тихо спросил он, — из всех виконтов на свете вы выбрали в мужа именно меня?

— Вы благородный человек. Я знаю это от Эмелин. — Мелисанда осторожно шагнула вперед, так же осторожно выбирая слова. — Судя по тому, что помолвка с Мэри была короткой, вам не терпится жениться, не так ли?

Он задумчиво склонил набок голову.

— Действительно, создается такое впечатление.

Она кивнула:

— А я хотела бы иметь собственный дом, а не жить на щедроты моих братьев. — Отчасти это было правдой.

— У вас нет собственных денег?

— У меня прекрасное приданое и, кроме того, есть собственные деньги. Но незамужняя леди едва ли может жить одна.

— Действительно.

Джаспер пристально разглядывал ее, явно довольный тем, что она стоит перед ним как просительница перед королем. Спустя некоторое время он кивнул и поднялся во весь свой рост, отчего ей приходилось теперь смотреть на него снизу вверх. Может быть, она и была высокой женщиной, но он был выше ее.

— Простите меня, но я должен быть откровенен, чтобы в дальнейшем избежать всяких недоразумений. Я хочу настоящего брака. Брак, который бы, по милости Божьей, дал нам детей, зачатых в супружеской постели. — Он одал ее очаровывающей улыбкой, и его бирюзовые глаза чуть заметно блеснули. — Вы тоже хотите этого?

Она выдержала его взгляд и, даже не решаясь надеяться, ответила:

— Да.

Он наклонил голову.

— В таком случае, мисс Флеминг, имею честь принять ваше предложение заключить с вами брачный союз.

Она почувствовала себя закованной в тиски, и в то же время казалось, что-то трепещет и бьется в ее груди, стремясь вырваться на свободу и радостно закружить по комнате.

Мелисанда протянула ему руку:

— Благодарю вас, милорд.

Он озадаченно улыбнулся, глядя на ее протянутую руку, а затем, вместо того чтобы пожать ее в знак заключения сделки, наклонился к ней, и Мелисанда почувствовала прикосновение его мягких теплых губ. Она подавила волну желания, пробужденного этим прикосновением.

Он выпрямился.

— Остается только надеяться, что вам еще захочется поблагодарить меня после нашей свадьбы, мисс Флеминг.

Она открыла было рот, чтобы ответить, но он уже отвернулся от нее.

— Боюсь, у меня ужасно болит голова. Я заеду к вашему брату через три дня. По крайней мере дня три я должен изображать брошенного влюбленного, как вы думаете? Более короткий период может дурно отразиться на мисс Темплтон.

Иронически улыбаясь, он тихо закрыл за собой дверь.

Мелисанда облегченно опустила плечи. Некоторое время она смотрела на дверь, а затем оглядела комнату. Не с таким тесным и грязноватым местом она хотела бы связать крутой поворот в своей жизни. И все же, если только последние четверть часа не были сном наяву, именно отсюда жизнь потекла совсем в неожиданном направлении.

Она посмотрела на тыльную сторону ладони. Никаких следов от его поцелуя. Она знала Джаспера Реншо, лорда Вейла, несколько лет, но он еще никогда не прикасался к ней. Она прижала руку к своим губам, закрыла глаза, воображая, как это было бы, если бы он коснулся ее губ. При этой мысли дрожь пробежала по ее телу.

Затем Мелисанда снова выпрямила спину, разгладила уже расправленные юбки и провела пальцами по волосам — убедиться, что все в порядке. Выходя из ризницы, она наступила на что-то жесткое. На каменном полу лежала серебряная пуговица. Она закатилась под ее юбки, и Мелисанда обнаружила находку, когда отступила в сторону. Она подняла пуговицу и медленно повертела ее в руке. На серебре была выбита буква «В». Мелисанда спрятала пуговицу в рукав и вышла из церковной ризницы.

— Пинч, ты когда-нибудь слышал, чтобы человек, потерявший одну невесту, в тот же день нашел другую? — лениво спросил Джаспер, нежившийся в большой, сделанной специально для него металлической ванне.

Пинч, его камердинер, в дальнем углу комнаты перебирал в шкафу одежду. Не оборачиваясь, он ответил:

— Нет, милорд.

— Думаю, я первый за всю историю Лондона, кто сделал это. А потому следует установить памятник в мою честь. Детишки будут приходить и глазеть на меня, а их няни станут убеждать их не следовать по моим неверным стопам.

— Вот именно, милорд, — невозмутимо ответил Пинч.

Голос у Пинча был ровный, звучный, невозмутимый, и говорил он таким тоном, каким и положено говорить слуге, принадлежащему к высшей касте слуг, хотя внешне он не очень походил на слугу высшего класса. Пинч был крупный мужчина. Очень большой мужчина. С плечами широкими, как у вола, руками, которые могли бы без труда накрыть обеденную тарелку, с шеей, по толщине равной бедру Джаспера, и головой в виде большого лысого купола. На кого Пинч и был похож, так это на гренадера, тяжелого пехотинца, которые в армии пробивали бреши во вражеских рядах.

Так случилось, что именно гренадером Пинч и был, когда служил в армии его величества. Но это было до того, как он слегка разошелся во мнениях со своим сержантом, в результате чего провел день в колодках. Тогда-то Джаспер и увидел его впервые: в колодках, стойко переносившим удары гнилых овощей, летевших ему в лицо. Эта картина произвела такое впечатление на Джаспера, что после освобождения Пинча он немедленно предложил ему место своего денщика. Пинч охотно принял это предложение. Спустя два года, когда Джаспер продал свой патент офицера, он выкупил и Пинча, и Пинч вернулся вместе с ним в Англию как его камердинер.

Пока что дела обстоят вполне удовлетворительно, размышлял Джаспер, вынимая из ванны ногу и стряхивая капли с большого пальца.

— Ты отослал то письмо мисс Флеминг? — Он написал несколько вежливых слов о том, что через три дня, если она за это время не сообщит, что передумала, он заедет к ее брату.

— Да, милорд.

— Хорошо-хорошо. Я думаю, все получится. У меня такое предчувствие.

— Предчувствие, милорд?

— Да, — сказал Джаспер. Он взял щетку на длинной ручке и потер большой палец. — Как тогда, две недели назад, когда я поставил полгиinei на ту гнедую с длинной шеей.

Пинч кашлянул.

— По-моему, эта гнедая захромала.

— Разве? — Джаспер махнул рукой. — Не важно. Нельзя сравнивать леди с лошадьми, ни в коем случае. Важно то, что уже три часа как мы помолвлены, а мисс Флеминг все еще не отказала мне. Уверен, это производит на тебя впечатление.

— Положительный признак, милорд, но, позвольте заметить, мисс Темплтон ждала до самой свадьбы, чтобы отменить помолвку.

— А, но в данном случае это самой мисс Флеминг принадлежит идея брака.

— В самом деле, милорд?

Джаспер сделал паузу и перестал скрести левую ногу.

— Но я бы не хотел, чтобы это вышло за стены этой комнаты.

Пинч напрягся.

— Да, милорд.

Джаспер поморщился. Черт, он оскорбил Пинча.

— Не следует ранить чувства дамы, даже если она сама бросилась к моим ногам.

— Бросилась, милорд?

— Образно говоря, да. — Джаспер взмахнул щеткой на длинной ручке, облив водой стоявшее рядом кресло. — У нее, кажется, создалось впечатление, что мне необходимо жениться, и она этим воспользовалась.